

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Кимитака МАЦУЗАТО,
доктор юридических наук,
профессор Центра
славянских исследований
Университета Хоккайдо
(г. Саппоро)*

Настоящий сборник включает часть результатов, полученных в ходе реализации исследовательского проекта «Новое время и нации в Восточной Европе и Центральной Евразии» (апрель 2000 г. – март 2004 г.), финансируемого Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии. Примечательно, что в сборнике приняли участие как видные представители региональной исторической школы (В.Юрченков из Молдовы, Л.Таймасов из Чувашии, А.Иванов и В.Кудрявцев из Марий Эл, Р.Мухаметшин и А.Ногманов из Татарстана, И.Кучумов из Башкортостана, В.Владыкин и А.Шепталин из Удмуртии), так и японские историки (Т.Уяма и К.Нисияма).

О связи исторической школы Волго-Уральского региона с мировым (в частности, североамериканским) историографическим процессом я говорил во введении предыдущей книги¹. Поэтому здесь считаю достаточным изложить ключевые идеи настоящего сборника.

Советская историография традиционно рассматривала национальную и региональную историю в рамках современной административно-территориальной структуры государства, оправдывая тем самым как официальные критерии классификации народов, так и иерархию власти и полномочий национальных государственных формирований (союзных и автономных республик). Как доказывает Т.Уяма (первая глава), именно с

этой целью была мобилизована теория автохтонности. По этой же причине были перемещены архивные источники. Так, значительная часть архивных документов Оренбургской пограничной комиссии (отвечавшей за управление Младшим жузом казахов) ныне находится в Алматы, а не в Оренбурге, потому что эти документы якобы имеют отношение к так называемой истории Казахстана, а не исторически существовавшего Большого Оренбуржья. Несмотря на то, что это могло служить (хотя бы недолго) утилитарной цели «сохранения межнационального мира», это нанесло ощутимый ущерб науке. Поэтому мы присоединяемся к мнению Р.Г.Кузеева: «Евразия стала единой, остается единой и будет единой. Только политические формы самоорганизации могут быть разными: федерация, конфедерация, союз и т.д. Только не надо растаскивать вот это единство по отдельным национальным квартирам»².

Мне представляется не случайным, что подобная школа (Р.Г.Кузеева) сформировалась именно в Башкортостане, который находится на стыке двух ключевых исторических макрорегионов Евразии, а именно Волго-Уральского и Урало-Каспийского³. Так или иначе, важно рассматривать этнополитический процесс Волго-Уральского региона целиком, не растаскивая «это единство по отдельным национальным квартирам»⁴. Поэтому авторы сборника уделили большое внимание макрорегиональным взаимодействиям между народами. Труды Л.Таймасова и В.Кудрявцева прямо посвящены этой цели, А.Иванов и В.Владыкин, освещающие историческое происхождение марийцев и удмуртов, придают решающее значение их контактам с окружающими народами.

Другая идея, выдвинутая в настоящем сборнике, вытекает из своеобразного места, которое Волго-Уральский регион занимал в Российской империи. Политику Российской империи вообще нельзя исследовать ни через призму «тюрьмы народов», ни с помощью биполярной схемы «угнетение – сопротивление». Что же касается Волго-Уральского региона, то следует учитывать, что он являлся не окраиной, а «внутренними губерниями» империи.

Историки по-разному оценивали Волго-Уральский регион – и как ядровой, и как обособленный. Так, В.Юрченков доказывает бесспорную ядровость мордвы в империи (глава 5). П.Верт подчеркивает двусмысленность положения региона: «Народы Волги-Камы не являлись простыми подчиненными империи, как это было с народами более отдаленных регионов. Первые относятся к той группе народов, которые

раньше всех инкорпорировались в Московское государство и жили в регионе, который не являлся пограничными в прямом смысле слова. Наоборот, этот регион немедленно присоединился к ядру старого Московского государства, которое в те времена консолидировалось на базе православия, в отличие от более поздней Российской империи. Более того, восточные славяне до того времени уже ассимилировали некоторые финские народы, и ситуация среди мордвин с начала 19 века, скорее всего, свидетельствовала о том, что подобная ассимиляция будет продолжаться во втором звене нерусских народов. Иными словами, Волго-Камский регион находился буквально в том месте, где ядровые земли Московского государства растворялись в более далеких и чуждых землях имперской периферии»⁵. В отличие от П.Верта, Р.Гераси выделяет скорее этническую обособленность Волго-Уральского региона: «...Казань еще считали окраиной (frontier) и даже почти чуждой территорией, и это не только потому, что земли за Казанью – Урал, Сибирь, и Дальний Восток – были до тех пор менее интегрированы в Россию технологически и политически. Главная причина заключалась в постоянном обособлении народов и культур региона»⁶.

Следует отметить, что в дореволюционной России понятия «внутренняя губерния» и «окраина» носили, скорее всего, юридический, а не этнографический характер. Термин «внутренние губернии» использовали по отношению к тем губерниям, на которые можно было распространить общеимперские законы и институты, такие как земства и институт земских начальников. Поэтому при исследовании Волго-Уральского региона (а также Малороссии) важно не то, что в нем была сильно развита этнорегиональная идентичность, значительно отличавшаяся от идентичности, характерной для бывшей территории Московского государства, а скорее то, что эта обособленность не помешала имперским чиновникам ввести там общеимперскую систему управления⁷. Отметим, что мало кто сомневался во внутреннем статусе даже Уфимской губернии, самой периферийной среди губерний Волго-Уральского региона и по своему расположению, и по этническому составу населения после того, как она перестала быть пограничной благодаря экспансии России в Среднюю Азию в середине 1860-х годов. Именно поэтому в этой губернии правительством почти без колебаний были введены отдельные компоненты Великой реформы (внедрены земства, осуществлена судебная реформа, ликвидировано Башкиро-мишарское

войско и проведена крестьянская реформа по общероссийской схеме), в то время как даже в Сибири, намного более русской по составу населения, чем Уфимская губерния, были запрещены земства.

На мой взгляд, ядровость того или иного региона определялась не его культурной близостью к великорусским регионам, а необходимостью мобилизации ресурсов для сохранения и экспансии империи. Имеется в виду роль татарских мулл и купцов, Оренбургского магометанского духовного собрания и Башкиро-мишарского войска в ходе экспансии России в Казахскую степь и Среднюю Азию⁸. Поэтому ядровость Волго-Уральского региона не означала, что его нерусское население жило лучше, чем нерусские народы периферий. Наоборот, если национальная элита периферий часто пользовалась де-факто автономией при псевдофедеративной системе генерал-губернаторств, то автономия нерусской элиты Волго-Уральских губерний была более ограниченной. Нерусское население Волго-Уральского региона не имело ни прав на широкое самоуправление на уровне волостей и сел, ни привилегий (освобождение от военных и других повинностей), которыми пользовалось нерусское население периферий (глава 10).

Учитывая эту амбивалентность Волго-Уральского региона, необходимо внимательно исследовать сложную комбинацию в государственной национальной политике элементов дискриминации и опеки по отношению к нерусским народам региона, как это сделал А.Ногманов. Его подход особо ценен, если учесть, что современные исследования Российской империи и на Западе, и в бывшем Советском Союзе имеют сильный уклон к семиотическому анализу. Полагаю, что исследование империй требует скорее знания юриспруденции и политологии, чем филологии.

Т.Уяма и И.Кучумов проливают свет на часто игнорировавшийся аспект в развитии национальной историографии, а именно последовательную консолидацию примордиализма. Советская историография якобы опиралась на жесткую критику дореволюционной романтической националистической историографии, а постсоветская националистическая историография, в свою очередь, – на критику советской «интернационалистической» историографии. Однако изучение историографии трех периодов показывает, что она удивительно последовательна в отношении укрепления примордиализма и теории автохтонности. Т.Уяма доказывает это с помощью анализа своеобразного использования идей

Марра в советской исторической науке. И.Кучумов уделяет внимание как распространению славянского примордиализма на другие национальные историографии, так и политическим инструментам, ограничивающим профессиональные исторические исследования в национальных республиках. Нашей следующей задачей (а также задачей В.А.Шнирельмана) представляется объяснение механизма, создающего разрыв между неплохим эмпирическим исследованием того или иного предмета и примитивностью общеисторического познания у историков в постсоветском пространстве, допускающих очевидные нелепости (см. статью И.Кучумова).

Критически рассматривая официальную статистику, Л.Таймасов раскрывает реальную этноконфессиональную дифференциацию населения Казанской губернии. Работа К.Нисиямы подтверждает мнение Л.Таймасова. Подобно тому, как трудно назвать двоеверием «переплетение в религиозной обрядности новокрещеных народов разных вероучений» до середины XIX в., едва ли можно считать отпадением массовые заявления новокрещеных татар о желании «вернуться» к мусульманству, поскольку на самом деле они никогда не были интегрированы в православную церковь. В.Кудрявцев в определенном смысле «реабilitирует» волжских финно-угров, которые традиционно считались объектом (а не субъектом) истории. Автор доказывает, что культурные связи между ними и славянами, а также тюрками-мусульманами были взаимными, а не односторонними.

Р.Мухаметшин и А.Шепталин рассматривают проблемы наций в последние годы царизма. Р.Мухаметшин отмечает формирование модернизированной группы татарской национальной интеллигенции, умеющей безболезненно сменить объект своей идентификации с религии на нацию. Согласно А.Шепталину, удмуртское дело представляет собой свидетельство включения инородцев в единое правовое пространство империи. Примечательно, что если нациестроительство у татар упомянутого толка не могло не сопровождаться резким сокращением их пространственной идентификации (они уже не могли воспринимать огромное пространство тюрко-мусульманского мира как «свое»), то нациестроительство удмуртов означало освобождение от локализма. Итак, формирование наций в многонациональном Волго-Уральском регионе неминуемо переплеталось с изменениями в многослойном восприятии

пространства народами: международного (в случае с татарами), общегосударственного, макрорегионального и местного.

Завершив исследовательский проект по этнополитической истории Волго-Уральского региона, следует отметить вполне ожидаемый результат: открылась еще одна дверь к пониманию функционирования Российской империи в целом. В 40-е годы XIX в. управление Российской империей находилось в кризисе. Массовое отпадение новокрещеного населения Волго-Уральского региона продолжалось. Еще свежа была память о всеобщих молениях мариЙцев в 20-е годы. Исследование территорий Дальнего Востока осуществлялось с большим трудом, не удавалось даже выяснить, является ли Сахалин островом (японцы уже давно знали, что это остров). Оренбургское генерал-губернаторство не могло урегулировать отношения с Младшим жузом казахов, нападения последних на Оренбургскую линию продолжались⁹. Почти весь Северный Кавказ был «освобожден» Шамилем. В Остзейском крае безземельное «освобождение» крестьян привело к резкому ухудшению их положения. Латышские и эстонские крестьяне массово перешли из лютеранской в православную церковь, ожидая, что в ответ правительство предпримет меры для улучшения их социального положения. Явно социальная (а не религиозная) мотивация обращения балтийских крестьян в православие только подчеркнула проблемы правительства¹⁰. Неопределенная политическая ситуация в Западных губерниях после восстания 1830 г. сохранилась.

Российское правительство старалось преодолеть этот почти всеобщий кризис с помощью популистских мер. Для усиления интеграции империи оно сделало ставку на слабые, угнетенные крестьянские народы в противовес сильным, «сепаратистским» народам (полякам, балтийским немцам и татарам). В Юго-Западных губерниях после назначения Д.Бибикова генерал-губернатором началась прокрестьянская антипольская кампания – инвентарная реформа, которая завершилась после Польского восстания 1863 г. обязательным выкупом крестьянских земель. В Волго-Уральском регионе начался эксперимент Н.И.Ильминского по «спасению» чувашей, мариЙцев и удмуртов от татаризации¹¹. Такой выбор отличает империю Романовых от Габсбургов, которые сделали ставку на сильные народы, а именно на мажаров и поляков, путем Ausgleich (1867). Как известно, переходу правительства к этнопопулизму в Западных и Прибалтийских губерниях способствовала славянофильская идея Ю.Ф.Самарина¹².

К 70-м годам XIX в. стратегия российского правительства – ставка на слабые народы – принесла свои плоды, политическая ситуация в нерусских регионах империи значительно стабилизировалась. Как отмечают Л.Таймасов и А.Иванов, Волго-Уральский регион не был исключением. Однако в конце XIX в. имперские чиновники убедились, что крестьянские народы (украинцы, литовцы, латыши и эстонцы), освободившись от гнета сильных народов с помощью великорусов и правительства, не стали верными союзниками. В своем всеподданнейшем докладе 1902 г. Лифляндский губернатор отмечает: «Было бы большой ошибкой считать, что вызванные Правительством к жизни и освобожденные от немецкой опеки латыши и эстонцы являются ныне ревностными приверженцами русского дела в губернии. Напротив, вся интеллигенция крайне ревниво заботится о сохранении своих племенных особенностей и страшится поглощения русскою народностью»¹³.

В отличие от западной части империи, в Волго-Уральском регионе правительству не приходилось выбирать между ставкой на слабые народы и противодействием их обособлению, поскольку здесь даже в начале XX в. крестьянские народы (чуваши, марийцы и удмурты) в основном оставались в рамках родоплеменной, общинной и религиозной, а не национальной идентичности¹⁴. Так или иначе, изучение этнополитической истории Волго-Уральского региона открывает значительную перспективу в компаративистском исследовании империй.

Примечания

¹ Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона. Саппоро, 2002. С. 5-8.

² Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000. С. 13. То, что Р.Г.Кузеев был редким в советской этнографии приверженцем миграционной, а не автохтонной теории этногенеза, отмечает в своей главе И.Кучумов.

³ Первая, Волго-Уральская идентичность сохранилась, об этом свидетельствует существование престижного Приволжского федерального округа России, единственного из округов возглавляемого гражданским чиновником, а не силовиком. В отличие от этого, Урало-Каспийская (Большая Оренбургская) идентичность, которая существовала еще во время подъема краеведения в 20-е годы XX в., почти полностью исчезла. Почему? Это предмет отдельного исследования.

⁴ Подобный подход выдвинул А.Каппелер. См.: Каппелер А. Переосмысление понятий «империи» и «нации» в российской и советской истории: некоторые методологи-

ческие подходы // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 21.

⁵ Werth P.W. *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827-1905*. Ithaca; London, 2001. P. 42.

⁶ Geraci R.P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca; London, 2001. P. 3-4. См. также: Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Политическая наука*. 2002. № 4. С. 27-38.

⁷ В этой связи представляется полезным привести здесь мнение сенатора М.Ковалевского, ревизовавшего Казанскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии в 1881 г.: «...Таким образом, всю свою духовную жизнь и отчасти юридическую магометане живут вне окружающей их среды, имея свое мирозерцание, свои идеалы. В политическом отношении этот мусульманский мир, конечно, не может представлять серьезной опасности, несмотря на значительное число магометанского населения в приволжских губерниях, простирающееся далеко за два миллиона душ. Вековое подчинение более сильному и способному к культуре племени, охватившему мусульманский мир со всех сторон, уничтожило его политические и национальные стремления, но тем сильнее сосредоточился он в своем религиозном фанатизме...» (РГИА, ф. 1604, оп. 1, д. 764, л. 3 об.).

⁸ См., например: Азаматов Д.Д. *Оренбургское магометанское духовное собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения Южного Урала в конце XVIII-XIX вв.*: дис.... канд. ист. наук. Уфа, 1994; Семенова Н.Л. *Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв.*: дис.... канд. ист. наук. Оренбург, 2000.

⁹ Рязанов А.Ф. *На стыке борьбы за степь (Очерк по истории колонизации Новолинейного района). 1835-1845 гг.* // *Труды Оренбургского отдела Государственного географического общества*. Вып. 1 (XXVI). 1928. С. 19-64.

¹⁰ Гаврилин А.В. *Переход прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX в. как форма классовой борьбы крестьянства*: автореф. дис.... канд. ист. наук. Рига, 1987.

¹¹ Это напоминает стратегию М.С.Горбачева в позднеперестроечный период – противопоставление автономных республик союзным. Параллель между Волго-Уральским регионом и Западными губерниями (в смысле ставки правительства на слабые народы) провел и А.Миллер. См.: Miller A. *Between Local and Interimperial: Russian Imperial History in Search for Scope and Paradigm* // *Kritika*. 2003. № 4 (в печати).

¹² Об этом упоминает Н.С.Андреева. См.: Андреева Н.С. *Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале 20-го века*: дис.... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 40.

¹³ РГИА, ф. «Библиотека», оп. 1, д. 50, л. 26 об.

¹⁴ Шепталин А. *Этнополитическое развитие удмуртов в XIX – начале XX вв.* // *Весна народов...* С. 152-153.